

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Поиск : рассказ / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2016. – 32 с. : ил.

Наталья КОЛЕСОВА

Поиск

Рассказ

Новокузнецк
2016

© Наталья Колесова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в московском издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». В 2009 году вышел роман «Прогулки по крышам», в 2011 – роман «На хвосте удачи», в 2013 (уже в издательстве «Эксмо») – роман «Грани Обсидиана». В 2014 году вышел в свет роман «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади», в 2015 году – «Призрачный роман».

Я бросила себе под ноги пёстрый камешек и закрыла глаза, представляя, как поднимается Вороной из собственной тени, как лоснится на солнце его ухоженная шкура...

И ничего не произошло.

Я глубоко вздохнула и огляделась.

Неизвестно откуда посреди леса взявшийся парень рассматривал меня любопытно и растерянно. У него были светлые волосы, скуластое лицо, серо-синие глаза под ровными тёмными бровями. Белая майка и шорты подчёркивали загар мускулистого тела.

Я с молчаливым недовольством смотрела на него через плечо. Парень слегка кашлянул и произнёс нерешительно:

– Привет. Ты что здесь делаешь?

– Хочу добраться до города, – ответила я честно. Он ведь не знает, какой конкретно город я имею в виду.

– До города? – он озадаченно поглядел влево-вправо. – Но это ведь заброшенная дорога! Здесь не дождёшься никакой попутки!

– Это ты так думаешь.

Он быстро глянул на меня и вновь отвёл глаза. Спросил нейтрально, рассматривая траву у себя под ногами:

– Путешествуешь автостопом?

– Можно и так сказать.

Вместо следующего закономерного вопроса: что, прямо в таком виде? – я услышала неожиданное:

– Хочешь, подбросим тебя до города?

Мы одновременно оглянулись: на склоне затрещали ветки. Парень сказал поспешно:

– Ты не хочешь одеться? Я, конечно, ничего не имею против, фигурка у тебя просто класс, но мой друг...

Он даже подобрал с земли и нетерпеливо тряс передо мной моей одеждой. И впрямь, раз уж всё сорвалось, надо соблюдать приличия. Я натянула трусики и джинсы. Никак не могу привыкнуть к бюстгальтеру; вот и теперь возилась с ним так долго, что парень нервно сказал:

– Давай я застегну!

Я с облегчением подставила спину, но и он тоже не сразу справился с мелкими крючками, загрубелые пальцы скользили по моей коже...

– Вот это да! – изумлённо сказали сзади. Я оглянулась и натянула майку. Парень, мгновенно вспыхнув до самых ушей, отпрянул от меня, как от прокажённой.

Его приятель тоже был высоким и мускулистым. Они все здесь здоровые. Они никогда не голодали. Тёмные растрёпанные волосы обрамляли смазливое лицо явного девичьего любимчика. Заложив руки в карманы шорт, он насмешливо улыбался.

– Ай да Шон! Я-то думаю, куда это он пропал, а он тут девочкам лифчики расстёгивает!

– Застёгивает, – пробормотал Шон. – Познакомься, это Энтони, а это...

– Зовите меня Крис.

– Крис в город нужно, я предложил подвезти...

– Конечно-конечно, – согласился Энтони, – разве можно отказать такой девочке!

И подмигнул мне ярко-синим глазом. Красивый, самоуверенный и как раз подходящий по возрасту. Я начала думать, что не напрасно теряю с ними время. Энтони ответил на мой заинтересованный взгляд не менее пристальным. Странные друзья: один одевает, другой...

Их чёрный мотоцикл был здоровенным, так что преспокойно уместились на нём все троём. Мотор взревел, и мы понеслись: сначала по лесной заброшенной дороге, потом по грунтовке, потом по широкому пустынному шоссе. Сидевший сзади Энтони передвинул руки, и я поняла недавнюю молчаливую переглядку парней: мол, кто за руль? Оглянувшись, я крикнула:

– Ты не можешь держаться за что-нибудь другое?

Лицо Энтони, глядевшего поверх моей головы, было отрешённо-скучающим. Я отодрала от своей груди его настойчивые ладони и теснее прижалась к широкой твёрдой спине Шона. Спряталась за его плечом от бьющего в лицо ветра, прикрыла глаза. Всего одна небольшая задержка, бабушка...

Шон развернул мотоцикл так резко и круто, что я с трудом удержалась в седле. Поперёк шоссе стояла красная машина.

– Тони!

– Вижу, – сдавленно сказал Энтони. – И сзади.

Сзади послышался мягкий шелест ещё одной подъезжавшей машины. Из первой неспешно и лениво выбирались парни.

– Кто это? – с любопытством спросила я. – Банда?

– Ребята из соседнего городка, – рассеянно сказал Шон. – Энтони погулял с их девчонкой... Может, прорвёмся?

– Разуй глаза! – шёпотом крикнул Энтони. – Куда прорываться-то?

Я покрутила головой: справа лес, слева высокий обрыв. Разве что по очень узкой обочине... Молчаливое кольцо смыкалось.

– И что теперь? – поинтересовалась я.

Энтони криво усмехнулся:

– Ты тоже это узнаешь, детка!

Шон с беспокойством глянул на меня, мотнул головой. Метнулись лёгкие светлые волосы.

– Она-то здесь причём, Тони?

– А ты причём? Попросить, чтобы вас отпустили?

Шон только с досадой вздохнул.

– Не заглушай мотор, – посоветовала я.

Семеро парней подошли медленно, по-прежнему храня зловещее молчание, но я слышала их распалённое дыхание. Кажется, им и накачка в виде традиционного предварительного разговора-разбирательства не нужна: они приготовились бить и бить беспощадно.

– Ах ты ж, чёрт! – вдруг воскликнул Энтони и соскочил с мотоцикла. Я глядела на него даже с удовольствием: такой он был подвижный, сильный, отчаянно-весёлый. – Бить всей толпой будете или поодиночке?

Шон с длинным вздохом повернулся, спустил ноги на асфальт. Наклонился, поправляя ремешок сандалий. Я с удивлением увидела, что безмолвная четвёрка с нашей стороны приостановилась.

Люблю хорошие драки! Иногда и сама с удовольствием в них участвую. Но сейчас мне было некогда – день солнцестояния уже близок, а поиск так и не завершён. И если мои подозрения верны, искомый нужен мне пока живым и здоровым. Я сняла шлем, небрежно опустила на сиденье: шлем упал и покатился по асфальту. Нападавшие невольно отвлеклись на него и потому прозевали Шона.

Шона-Шедшего-Напролом.

Впрочем, я и сама его прозевала – и потому ему успели пару раз хорошенько заехать, прежде чем я вытащила из тесного кармана джинсов горсть разноцветных стёклышек и подбросила в синее небо...

– Чем они тебя?

Шон умывался из ручья – вода, стекая с рассечённой скалы, становилась розовой.

– Кастетом, похоже...

– И вся эта заварушка лишь из-за того, что твой приятель – непроходимый бабник?

– Ну... все парни бабники, – пробормотал Шон, – просто некоторые... скрывают. Да просто им надоело, что только появится мало-мальски стоящая девчонка, как Энтони её уводит.

Я сидела рядом на корточках на берегу ручья. Заглядывала в лицо Шону.

– И у тебя тоже?

Он наклонился – возможно, из-за этого его скулы покраснели.

– Тони же не виноват, что девушки к нему так и липнут. За что его бить?

– За то, что ему нравятся как раз *чужие* девушки! – резко сказала я.

– Ну, раз тебя это устраивает, это твои проблемы.

Откинув с лица намокшие волосы, Шон снизу глянул на меня. Глаза ясные, прозрачные, как вода в ручье, мокрые тёмные ресницы.

– Но ведь он и тебе нравится, Крис?

– Меня он *интересует*, – поправила я, – а это совсем другое дело.

– Ну, это твои проблемы! – передразнил меня Шон.

С дороги к нам спустился Энтони: он подсчитывал повреждения мотоцикла... да, мы всё-таки задели машину драчунов, когда пролетали мимо. Парень с жадностью напился, намочив разлохмаченные ветром волосы; вытер рот и рассмеялся:

– Ну что, всё-таки прорвались?!

У него в двух местах была порвана куртка и разбита губа. Легко отделались.

– А что это было? – наконец спросил Шон. – Какая-то вспышка, все как ослепли...

– Мне показалось даже, кто-то пальнул в бензобак! – поддержал Энтони.

Я пожала плечами:

– А я за шлемом наклонилась, ничего не видела.

...Когда дерущиеся, ругаясь, крича и зажимая ослепшие на несколько мгновений глаза, отпрянули друг от друга, я крикнула:

– Шон, Энтони! Скорей! Уходим!

Мотоцикл, словно мой норовистый Вороной, сделал «свечку» – и мы рванули вперёд по узкой обочине над самым обрывом...

Форресттаун был небольшим, уютным, чистеньким – из тех, в которых друг друга знают в лицо от рождения и до самой смерти.

– Ну ладно, – сказал Энтони, – ты куда теперь, Крис? Сразу дальше, или у нас задержишься?

– Наверное, останусь здесь на пару дней.

– Ну тогда до вечера в клубе. Пока!

Пришурившись, я смотрела ему вслед. Он знал, что я гляжу на него. Все девушки наверняка на него оборачиваются – таким уж он

уродился. Такими были его отец, дед, прадед. Сексапильными красавчиками. Я была почти уверена, что не ошибаюсь, ведь именно таким я его себе и представляла...

– Крис?

Я запоздало сообразила, что Шон окликает меня уже не в первый раз. Парень смотрел на меня с каким-то... пониманием.

– А?

– Где думаешь остановиться?

Я огляделась, соображая.

– Есть же у вас здесь какой-нибудь отель? Или, может, знаешь, кто комнаты сдаёт?

Он задержал взгляд на моём тощем рюкзаке. Помедлил.

– Мы с мамой живём вдвоём. Есть свободная спальня, так что можешь остановиться у нас. Денег не надо.

Какие же они здесь... доверчивые! Приглашать неизвестно кого в собственный дом! Или... Я прикусила губу.

– Шон. Сразу, чтобы не было никаких неясностей: я не из тех, кто расплачивается собой за помощь!

Шон глядел на меня спокойными глазами. Сказал ровно, но явно передразнивая меня:

– Крис. Чтобы не было никаких неясностей: я не из тех, кто берёт плату сексом. Тем более, у мамы... старомодный взгляд на эти вещи, так что на двери твоей спальни будет крепкая защёлка. Идём?

Мать Шона оказалась энергичной седовласой женщиной, слишком пожилой для сына такого возраста. Странно, но я ей почему-то понравилась: она сразу отмела в сторону объяснения Шона, накормила меня до отвала, не спросив ни документов, ни очередной версии моей жизни.

Шон отвёл меня наверх, в мансарду. Поспешно убрал какие-то вещи с кровати, протёр ладонью край заваленного чем попало стола.

– Устраивайся, здесь тебя никто не потревожит. Душ за стеной. Я пока пойду. Подрабатываю летом на бензоколонке. Отдохни, вечером свожу тебя в клуб, увидишь, у нас тут весело...

– Где я могу узнать о факте усыновления?

– Что?

– В каком месте я могу узнать, был ли в этом городе усыновлён мальчик, лет сейчас... ну, нашего с тобой возраста. В мэрии? В церкви?

Шон глядел с недоумением.

– Зачем тебе это?

– Не задавай лишних вопросов. Просто дай ответ.

Шон всё равно задал:

– А имя его ты знаешь?

О да! Но здесь оно явно звучит по-другому.

– Нет.

– Странно... Ну ладно, я подумаю. До вечера!

Я смотрела ему вслед из окна. Почувствовав мой взгляд, Шон обернулся и широко улыбнулся. Я даже машинально махнула ему на прощание. Странно, что таким, как я и Энтони, частенько везёт на таких вот Шонов...

Из-под душа я вылезала, уже практически засыпая. Даже если мне опять не повезло, хотя бы немного отдохну здесь...

Вечер и Шон смотрели на меня, когда я проснулась. Сидевший на краю стола парень улыбнулся мне осторожно.

– У тебя необычный загар, Крис. Золотистый, кожа словно светится...

Можно подумать, его занимал исключительно мой загар! Я села, тщательно поправляя сбившуюся простынь.

– Ты узнал?

– Что? А-а-а... Да мне и узнавать незачем. Я тут просто подумал и решил, что ничего страшного не случится, если я скажу, ведь все и так знают. Усыновлённых двое.

Я затаила дыхание.

– Да?

– Один – Энтони.

Он наблюдал за мной.

– Ты это знала?

– Подозревала. Второй?

– Второй... – Шон вздохнул, откинул со лба волосы. – Это я.

– И ты тоже?!

– Ну да. – Он смущённо разулыбался. – Ты же видела, какая мама старенькая! Она уже не могла иметь детей. А у приёмных родителей Тони тогда погиб единственный ребенок. Они сговорились и взяли нас из одного приюта.

– А где твои настоящие родители?

– Не знаю. Сказали, меня подбросили. Слушай, а зачем тебе это всё? Ищешь своего пропавшего родственника? Брата?

Брата! Я усмехнулась.

– Можно и так сказать. Парня этого я никогда не видела, но он нужен мне просто позарез. Я знаю только, что он должен быть хорош собой, у него должны быть синие глаза и лидерские замашки. И жить он должен где-то в этом районе.

Не будем уточнять, насколько широк *этот район*. Я уже потеряла всякую надежду успеть до равноденствия.

– Должен быть, должны быть, должно быть... – пробормотал Шон.

– И никаких старых фотоснимков? Да таких ребят у нас хоть пруд пруди! Можно легко ошибиться.

– О нет! Уж здесь я не ошибусь.

– Может, это я? – предположил он серьёзно. – Правда, глаза у меня не сказать чтобы совсем синие. Или я недостаточно хорош собой?

– Не думаю.

– Не думаешь, что я недостаточно хорош?

Я глянула с подозрением: он что, заигрывает со мной? Шон выглядел серьёзным, лишь в сощурившихся глазах мелькали весёлые искорки.

– Не думаю, что это именно ты.

– Тогда, значит, Тони?

– Возможно, и не он, но мне надо приглядеться! – быстро сказала я. – Только ты ему пока ничего не говори, хорошо? Незачем ему голову зря морочить. В клуб-то мы идём?

– Шон! О, Шон! Привет, Шон!

Шон кивал, пожимал руки, улыбался. Я с удивлением обнаружила, что чуть ли не все собравшиеся спешат с ним поздороваться: и парни, и девчонки. Одетый во всё светлое, сам какой-то весь... светлый, Шон был сейчас очень хорош, и я даже с долей ревности увидела, как он расцвёл, когда к нам приблизилась миленькая, словно фарфоровая куколка, девушка в коротком чёрном платье.

Она по-хозяйски положила руку ему на плечо, по-хозяйски долго поцеловала, по-хозяйски вытерла мизинцем помаду с его губ. Шон положил ладонь на её тонкую талию.

– Терри, познакомься, это Крис.

Терри оглянулась, смерила меня взглядом – от коротких торчащих серых волос до рваных джинсов (моя единственная смена одежды была в том же роде) – протянула:

– Приве-е-ет! Как поживаешь?

– Нормально, – хмуро сказала я. – Живу у Шона.

Девушка быстро, как гибкая змейка, отпрянула от него.

– Да?!

Шон развёл большими руками.

– Ну-у... Да.

Терри порывисто повернулась на каблучках и пошла, вызывая пошлость покаянием стройными бёдрами. Я покосилась на Шона. Против ожидания, тот не разозлился. Наоборот, смотрел на меня и улыбался всё шире. Тогда рассердилась я:

– И чего это ты лыбишься?!

– Хочешь мороженого? – поспешно спросил он. – Сейчас принесу.

Присев у стойки бара, я разглядывала шумную толпу, пытаюсь отыскать шоновского приятеля. Кто-то внезапно коснулся моего плеча, и я резко крутнула сиденье. Энтони со смехом вскинул руки.

– Только не убивай меня!

– Ненавижу, когда подкрадываются! – выпалила я.

– Ну тихо, тихо, ты... кошка! Что будешь пить?

Злость, вызванная испугом, проходила. Я заметила, что на нас оглядываются: сначала, чтобы кивнуть Энтони, второй раз – чтобы разглядеть, с кем это он там у стойки.

– Ничего.

– А я выпью.

Он пил нечто алкогольное, глядя на меня с полуулыбкой. Синие глаза поблёскивали из-под тёмных прямых ресниц. Гладкий, сытый, балованный кот. Никогда не охотившийся на мышей и не дравшийся с собаками.

– Ты какая-то... не такая, как все, Крис! Настоящая, дикая. Знаешь, как ты меня заводишь?

Энтони двинулся ко мне теснее. Опустив глаза, я слушала его горячий шёпот. Но этот шёпот не волновал меня, как не волновала и его рука на моей талии: как будто со мной разговаривала заводная игрушка или просто прокручиваемая раз за разом запись...

Я вскинула голову. Шон стоял рядом, глядя на нас сверху.

– Твоё мороженое, Крис, – сказал он ровно.

– Привет! – Энтони убрал руку. – Тебя-то я и искал!

– Я так и понял.

Шон сел справа от меня и уткнулся в своё мороженое.

– Тут один парень хочет с тобой встретиться, – деловито продолжал Энтони. – Мы все на тебя ставим.

Шон мотнул головой.

– Я не буду драться.

– Шон, ну в последний раз!

– Последний был в прошлом месяце.

– Шон, ну что тебе стоит! Ну ради нашей дружбы! Ты же уложишь его одним ударом! Все на тебя надеются, вон и Крис тоже хочет посмотреть.

Шон глянул на меня исподлобья.

– А ты что, любишь драки, Крис?

– Люблю. А на чём вы будете драться?

Энтони фыркнул, забрызгав стойку.

– На дуэльных пистолетах!

Шон усмехнулся, и его приятель тут же вскочил:

– Ну что, замётано, да? Я пошёл. В полночь, на том же самом месте!

И, хлопнув Шона по плечу, исчез в толпе.

Мы ели мороженое и молчали.

...Площадка для боя была готова – освещённая фарами машин и мотоциклов лесная поляна.

Шон стянул куртку и майку, оставшись в спортивных штанах и кроссовках. Вышел на площадку, разминая шею и руки. Навстречу вышел парень в шортах. Кто-то врубил рок-музыку, болельщики с обеих сторон закричали и засвистели, подбадривая своих бойцов, начали делать ставки... Я прислонилась к капоту машины, прижимая к груди одежду Шона. С удовольствием наблюдала за парнями: мускулистые, сильные, подвижные... Не каратэ, не бокс... да скорее просто уличная драка, ведущаяся до тех пор, пока кто-нибудь из двоих не сумеет подняться или не попросит пощады.

Шон его сделал! Я вскинула руку, сжатую в кулак, приветствуя победителя вместе с нашими болельщиками. Проигравшие зароптали и вытолкнули второго бойца. Шон отрицательно качнул головой. Переговорщиком выступил – кто бы мог ожидать? – Энтони. Я не слышала его речь, но легко могла представить мешанину из лести, просьб «ради нашей дружбы», «мы все на тебя так надеемся», и «последнего раза». Конечно, он знал своего приятеля досконально (да и дар управления людьми был у него в крови) и, конечно, Шон в конце концов сдался.

Второй боец разбил Шону нос, но и сдох куда быстрее. Выигравшие взревели и кинулись обниматься, проигравшие – вздыхать, ругаться и сдавать деньги...

Какой-то явно нетрезвый или обдолбанный парень вышел к Шону, взял его за локоть. Тот оглянулся, зажимая кровоточащий нос, мотнул головой и отвернулся. Парень, качнувшись, отступил и, скинув куртку, пошёл, странно расставив руки... Тоже захотел подраться, что ли?

Я подалась вперёд, вглядываясь в неторопливо приближавшуюся к Шону фигуру.

...знакомо расставив руки...

– Шон, у него нож!

Шон оборачивался, но как же невыносимо медленно! Я врзалась в нападавшего на мгновение позже, чем лезвие вошло Шону в плечо, но другой рукой Шон автоматически врзал парню в живот. Тот согнулся и рухнул на колени.

Я подхватила выпавший нож.

– Убей его!

Шон, зажимавший теперь руку, растерянно переводил глаза с меня на корчившегося на земле парня – тот блевал. Тишины, поначалу обрушившейся на поляну, уже не было. Нарастал ропот. Обещала быть большая свалка...

И вдруг кто-то крикнул:

– Полиция!

– Полиция! Сваливаем!

Взревели моторы. В суতোлке я схватила за руку по-прежнему неподвижного Шона.

– Давай скорее! Бежим!

Трещали кусты, хлопали дверцы автомобилей, рычали моторы, где-то завывала сирена. Мы полусбежали-полускатились по склону до Шоновского мотоцикла. Шон рванул, едва я коснулась задом сиденья – хорошо, успела ухватиться за его влажный от пота и крови торс и втянуть голову в плечи, чтобы меня не сбили несущиеся навстречу ветки.

Затормозили мы только у города.

– Дай мне взглянуть на руку, – сказала я.

Навалившийся грудью и лицом на руль Шон, казалось, не слышал. Я потормозила его за плечи.

– Эй! Ты же не собираешься упасть в обморок?

Он развернулся и неожиданно сгрёб меня в охапку. Запах пота, крови, возбуждённое дыхание; пальцы, нетерпеливо рвущие замок на моих джинсах, наваливающееся на меня тяжёлое тело...

Я ударила его локтем в лицо – раз, ещё раз. Кажется, угодила в и без того кровотокающий нос.

Шон отпрянул, сел, прижимая к лицу ладони. Бедняга, здорово же ему сегодня досталось – от всех по очереди!

Я застегнула джинсы, опустила задранную майку. Глянула на Шона. Тот отвернулся. Широкие его плечи сутулились.

– Крис... прости. Я не знаю, что на меня нашло! Прости.

– Ничего, – сказала я ровно. Грудь ныла от его жадных жёстких пальцев. – С мужчинами после боя такое случается.

Шон медленно повернул голову. Взглянул исподлобья: глаза глубокие, пристальные. На губе – засохшая кровь. Сказал через паузу:

– Крис, ты странная. Очень странная. Такой я ещё не встречал.

– Твой друг мне это уже говорил...

Шон дёрнул уголком разбитых губ.

– Представляю! «Ты какая-то необыкновенная», да? Но на этот раз Тони правду говорит. Я не могу тебя понять: то ты наша ровесница, а то – раз, и тебе как будто... лет сорок! Я думал, у тебя неприятности с полицией или с предками. Думал, Крис – твоё настоящее имя. Думал, может, я смогу тебе хоть чем-нибудь помочь...

Он замолчал, и его молчание было вопрошающим.

– Можешь, – сказала я. – Если покажешь свою руку.

В такой темноте толком ничего не разглядеть. Я нашарила в сумке и медленно ссыпала с ладони на землю целую горсть неровных стёклышек...

– Смотри, сколько падающих звёзд! – сказал Шон.

Звёзды падали одна за другой: крупные, яркие, просто небесный фейерверк. Света теперь было предостаточно, и я обработала и перевязала рану. Шон дышал сквозь зубы, но сидел неподвижно, задрал голову к небу.

– Надо желание загадать, – произнёс он задумчиво. – Можно даже сразу целым списком!

– Что? – рассеянно переспросила я, закрепляя бинт.

– Желание, – выдохнул Шон уже мне в затылок. – Когда звезда падает, нужно успеть загадать желание.

Я и забыла про эту их приметку! Ну что ж, желание у меня одно, и, чтобы оно исполнилось, я всегда готова заручиться любой, даже самой призрачной и фантастической поддержкой. Я поглядела вверх, повторяя самое своё заветное желание. Словно отозвавшись на него, поперёк падающих звёзд скользнула ещё одна, красная, – словно запущенная с земли ракета. Я проследила за ней, запоминая направление.

Взяв Шона двумя пальцами за крепкий подбородок, повертела туда-сюда, разглядывая ссадины и синяки на лице.

– Красавчик! Что матери-то скажешь?

– Правду... – вздохнул Шон. – И пообещаю, что это был последний раз. Ей эти бои никогда не нравились, хотя я обычно побеждаю.

Да ты хвастаешься, парень? Я спросила язвительно:

– И что, даже сдержишь обещание?

Шон смотрел на меня прямо. Сказал негромко:

– Я всегда выполняю свои обещания.

Вот несчастный человек! А кое-кто этим успешно пользуется...

– Пойду пройдусь, – сказала я.

Он схватил меня за руку.

– Я вернусь, Шон.

Свет разноцветных падающих звёзд отражался в его широко открытых глазах, и оттого их выражение бесконечно менялось.

– Сегодня я вернусь, Шон.

Я шла по пустой улице, заглядывая в светящиеся окна домов: там смотрели телевизоры, смеялись, ругались, любили...

Нужный дом оказался на самой окраине, одинокий и тёмный – лишь на веранде разгорался красный огонёк сигареты. Я подошла, и хриплый голос окликнул меня:

– Эй, красавица! Что ж в такой вечер – и гуляешь одна?
Я остановилась, положив руки на перила веранды. Мужчина склонился ко мне, изучая моё лицо в свете разгоравшейся сигареты.
– Да, вечер хорош, – сказала я. – Давно вы здесь живёте?
– Давно. Так давно, что уже и подзабыл, откуда приехал.
– Прошное всегда о себе напомнит, – жёстко сказала я.
Мужчина вздохнул, щелчком отправил сигарету в темноту.
– Это точно! Вы стали совсем взрослой. Не такая красавица, как ваша мать и сестры, но... У вас тёплая кожа, тёплые губы, но в глазах ваших смерть.
Я усмехнулась.
– А я и есть смерть. Много пришлось вынести, чтобы стать такой. Почему, за что – спроси у мёртвых. Мы ждали вестей, но ты замолчал. Почему?
Он ответил не сразу.
– Я жил здесь... я видел, как растёт мальчик. Часто играл с ним. Я привязался к нему и... можно сказать, я изменил вам, потому что мне стало жаль его. Он хороший парень.
– Многие из погибших тоже были хорошими людьми! Их тебе не жаль?
– Но он же в этом не виноват!
– А я – виновата?! – я ударила кулаком по перилам и вся веранда загудела. – В чём я виновата? В том, что с самого детства была вынуждена скрываться? Что меня столько раз пытались убить? Да, у нас не мирная и сытая жизнь, как здесь! Да, у нас льётся кровь, у нас убивают, жгут и грабят! Но это *моя* родина, я могу что-то для неё сделать, да я уже делаю! Но пока существует он, он в любой момент может вернуться, и всё начнётся сначала! У страны уже нет сил и времени на продолжение этой вендетты!
– Он может и не вернуться, – возразил следопыт. – Может просто не вспомнить. Мать отправила его сюда совсем маленьким...
– ...наложив на него заклятье забвения, – закончила я, – которое исчезнет в день совершеннолетия. А наступает оно в это летнее солнцестояние.
– Старые заклятия со временем часто теряют силу...
– Послушай, ты что, пытаешься отговорить меня?! Не вижу, чем уж так хорош твой Энтони, я знаю его всего день, но... Он обречён и смиришься с этим. Да, память к нему вернётся – ненадолго, когда он увидит мой клинок.
Следопыт молчал долго. Впрочем, мне его согласия и не требовалось. Я лишь желала знать, почему преданный слуга моей бабушки столько лет не подавал вестей о себе и о последнем Дарке.

Мужчина вымолвил, наконец:
– Ну что ж, парень в вашей власти. А как вы собираетесь наказывать *меня*?
– Ты увидел звездопад и отозвался, хотя запросто мог затаиться...
– Я, может, и предатель, но я не трус, – сказал мужчина устало. Я пожала плечами.
– Оставайся здесь. Живи. Ты всё-таки заслужил спокойную старость. Только не вздумай предупредить его!
– О нет! – заверил следопыт с неожиданной искренностью. – А теперь – не почтите ли мой дом своим присутствием?
Я помедлила. За несколько месяцев поиска я уже соскучилась по родине и соотечественникам. Что же чувствовал он, много лет не видевший родной земли и не слышавший родной речи? Не это ли подтолкнуло следопыта отозваться?
– Почту, отчего ж не почтить, – сказала я и взбежала по ступеням веранды.

Мэй помахала рукой купавшимся. Большая компания плескалась в озере – смеялась, кричала, играла в мяч, плавала наперегонки. Мне совершенно не хотелось двигаться: с утра я вообще искренне считала, что бывший следопыт задумал с помощью местного пойла отправить меня в могилу. Лишь к полудню, немного очухавшись, сделала традиционный и закономерный вывод: пить надо меньше!
Заложив руки за голову, я вытянулась на нагретом солнцем песке пляжа. Мэй смущенно поглядела на меня, сказала с неловкой улыбкой:
– Ты знаешь, Крис... у нас это пока не принято.
– Что?
– Ну загорание... топлесс.
– А, чепуха!
Мэй некоторое время помолчала, разглядывая купавшихся.
– Какой же всё-таки красавчик Энтони! Жалко, что у него ветер в голове! Если бы не Шон, давно бы уже влип в какую-нибудь серьёзную историю... Хорошо, друг его постоянно выручает.
– Шон? – я лениво приоткрыла глаза. – Да Шон его во всём слушается! Идет за Энтони, словно телок на привязи!
Хотя Шон больше всего напоминал большого добродушного пса: с виду грозен, но в жизни никого не укусит.
– Да это просто потому Шон такой спокойный, – убежденно заявила Мэй. – Ты не видела его, когда он упрётся. Ой, Э-энтони!..
Некрасивое личико девушки озарилось улыбкой. Каким бы безголовым ни был Энтони, он оставался её кумиром.

– Не заслоняй солнце! – раздражённо сказала я: Энтони встал надо мной, разглядывая меня и улыбаясь.

– Залюбуешься! – он присел рядом со мной, с мокрых волос капала вода. – Какая у тебя славная грудка, гляди, как раз по моей руке!

Он положил ладонь мне на грудь. Мэй смущённо захихикала. Я не шевельнулась. Заложив руки за голову, я смотрела на Энтони отстранённо. Он не мог ни смутить, ни взволновать меня. Он был призраком или скоро им станет.

– Давай завтра на рассвете, – сказала я ему одними губами. – В лесу, где мы встретились.

Если Энтони и удивился, то виду не подал. А может, и ожидал чего-нибудь подобного? Кивнул с улыбкой, легко выпрямился и сбежал вниз по склону к озеру.

– Какой милый, правда? – сказала Мэй. – А ты ему приглянулась, верно? И он тебе нравится? Не бойся, Шон не разозлится, он ведь ему всё прощает... Не беспокойся, от *меня* Шон ничего не узнает. А вот и Шон. – И, поднявшись: – Шон, ты не видел Бетси?

– Внизу.

Я поспешила перевернуться на живот: этого парня я дразнить не собиралась. Опершись подбородком на сложенные руки, смотрела на поднимавшегося от озера взлохмаченного и мокрого Шона. Вот кто красивый, между прочим... Он нёс белые цветы с длинными толстыми стеблями. Присев рядом, протянул мне цветы.

– Это тебе.

Я осторожно взялась за гладкие мокрые стебли.

– Это что?

– Никогда не видела кувшинок?

Я помедлила, соображая. Кувшинки... Цветы. Цветы дарят в торжественных случаях. Или в знак... внимания? симпатии? Задумчиво сунула нос в кувшинки: запах нежный, еле ощутимый.

– Видела. Просто не сразу узнала.

– Эй, Шон! Крис! Мы уже пошли!

Шон рассеянно отмахнулся широкой ладонью.

– У тебя повязка намочла, – заметила я.

– Пусть. Поделом мне. Не буду больше драться на спор.

– Но почему? У тебя это хорошо получается.

– Я знаю. Но мне не... не нравится бить людей. То есть нравится – когда разойдусь. Просто потом... противно.

Я промолчала. На моей родине ни один мужчина не сказал бы такого. Тем более – мне. Но Шон не боялся показаться смешным или трусом. Может быть, потому что не был ни тем, ни другим.

– Крис, а ты там серьёзно тогда... чтобы я убил его?

– Конечно, – отозвалась я. – Он ведь хотел тебя прирезать. По моему, это справедливо.

– Око за око, – задумчиво и непонятно сказал Шон. – Ну что, мы идём с ними?

– Угу.

Он смешно старался не смотреть, как я одеваюсь – сосредоточенно кидал камешки в озеро. Я натянула майку, встряхнула джинсы от травы и прилипшего песка. Шон подобрал и покрутил в пальцах выпавший из кармана пёстрый гладкий камень – и запустил в тёмную воду, прежде чем я сообразила и схватила его за руку.

– Нет, не бросай!

Но камень, булькнув, уже погрузился в воду. Я застыла, вглядываясь. Мгновение, второе, третье... Вода забурилась, вскипела, взметнулась тяжёлая тёмная волна – нет, не волна – лошадиная голова, чёрная грива, широкий круп. Вытянув шею, Вороной поплыл к противоположному берегу, выбрался, блестя мокрой шкурой, недоумённо оглянулся на нас, взмыл в прыжке – и растаял в воздухе.

– Что ты наделал?! Как я теперь вернусь?

Шон опустил руку и спросил – очень спокойно:

– Куда, Крис?

Я открыла и закрыла рот, не зная, что ему ответить. Шон продолжал напористо:

– Я уже видел достаточно, чтобы поверить чему угодно. И я не отстану от тебя, Крис! Что это такое было?

Врать не хотелось. Отмолчаться не удастся. Да и вообще – завтра мы с ним навсегда расстанемся, так что – какая разница?

И я рассказала.

О моём мире. О дрящейся века вражде между родственниками и соперниками за власть – кланами Гартов и Дарков. Об охоте, ведущейся на меня с самого моего рождения. О том, что впервые на нашей земле воцарился мир. И о том, что моя главная задача теперь – не допустить новой войны. В результате старой вражды из многочисленных когда-то поколений остались только я и единственный Дарк.

Шон слушал зачарованно и доверчиво – так маленькие дети слушают сказку.

– Я не совсем понял... Ведь такой страны на Земле нет? Ты что, оттуда? – он мотнул подбородком вверх. – Инопланетянка?

– Можно сказать и так. Я не из вашего мира.

– И попала сюда с помощью этого... – теперь он ткнул пальцем в озеро, – этой лошади?

– Да. Это специально выведенная порода, она ходит между мирами.
– Значит, вы так и путешествуете туда-сюда?
– Да. С древности. А я у вас ещё и образование получала.
– Судя по твоему рассказу, – медленно произнёс Шон, – я сейчас разговариваю с принцессой? Или даже с королевой?
– Королевой я стану, если рожу наследника. Но пока мне некогда этим заниматься.
В сосредоточенных глазах Шона мелькнула усмешка:
– А помощники для этого дела у тебя есть?
– Да хоть отбавляй! Но я не могу себе сейчас этого позволить. Пока жив хотя бы один Дарк... Не хочу ребенку повторения своей судьбы: вечно бежать, прятаться, драться...
– Дарк на тебя охотится?
– Нет. Он сейчас далеко. Но у него имеется и сторонники, ждущие его скорого возвращения. Тогда всё начнётся сначала...
– Слушай, Крис, а мне можно у вас побывать?
Я вдруг представила, как показываю Шону Красные Скалы и светящееся ночное море, и ледяные зеркала в Каньоне Духов, а ещё...
С искренним сожалением покачала головой.
– Нет. Никто и ничто с Земли не может к нам проникнуть. Да тебе бы у нас и не понравилось: ты ведь не любишь драк! А у нас там вечно – то война, то драчливое перемирие.
– А как ты теперь вернёшься домой?
Я махнула рукой:
– Да всё нормально, зря я на тебя накинулась! У меня есть ещё парочка схронов с вещами, осталось только до них добраться.
– С вещами вроде этих? – Шон мотнул подбородком на озеро. – Камешки и стёклышки?
Я засмеялась.
– Здесь, на Земле, наши амулеты и оружие замаскированы вот под такие никчемные вещи! Чтобы даже нищие и воришки на этокое богатство не позарились; типа ребятишки насобирали. А может, мне и схроны не понадобятся: бабушка сама меня отыщет, когда увидит Вороного без всадника.
– А кого *ты* здесь искала? – внезапно спросил Шон.
Я подобралась.
– Кого б я не искала, всё равно не нашла!
– Дарка?
Отрицать было бессмысленно, и я кивнула.
– Его.
– Ну, то есть, это не я и не Энтони? Ты вроде собиралась к нему приглядеться... Пригляделась?

– Да, – старательно изображая досаду, я пожала плечами. – Это не ты и не он. У меня есть ещё кое-какие приметы, о которых я тебе не рассказывала. Опять только зря время потеряла!
– И что бы ты с ним сделала? Если б нашла?
– Убила бы.
– Я-ясно... Но почему?
– Я же только что всё тебе рассказала! Ты плохо слушал? Потому что они истребили мой род!
– А вы – всю их семью, – заметил Шон. – Может, достаточно уже? Может, пришла пора договариваться? Вы же молодые, без шор на глазах и всяких там старческих маразмов...
– Договариваться? Ну нет! На нашей земле Гарту и Дарку слишком тесно будет!
– Ну-у... Ты собираешься вызвать его на поединок?
– Нет, – я поглядела в его хмурые глаза. – Пойми, Шон. Я не боюсь. Вернее, боюсь того, что погибну из-за какой-нибудь нелепой случайности – а, значит, погибнет и последняя надежда страны. Я просто окликну его и...
Я смолкла, увидев, что Шон морщится.
– ...и зарежешь, как свинью, потому что ничего не понимающий парень растеряется, и уж точно не будет ожидать нападения от девчонки! Может, всё-таки для начала попробуешь поговорить с ним? Если у него голова варит...
– Да? А потом постоянно ждать удара в спину? Нет уж, предпочитаю бить первой!
– Из любой ситуации всегда найдётся выход, – сказал Шон. – И не один. Не думаю, что ты выбрала наилучший.
Я пожала плечами.
– Вот бабушка тоже так говорит...
– Мудрая женщина.
Спорить и доказывать было бесполезно – он, житель спокойной и сытой страны, никогда не сможет меня понять.
– Давай не будем спорить! Я приняла решение, – я глянула в хмурое лицо Шона и добавила лицемерно: – Да и Дарка еще найти надо!
Шон промолчал.
Мы уже почти поднялись на холм, когда я подняла глаза и замерла, как вкопанная.
Они стояли на склоне – трое высоких людей в чёрных плащах, с ненавистным трёхцветным трилистником Дарков на груди.
Шон остановился тоже. Глядел он озадаченно.

– Это ещё... что? Эй, погодите-ка, – сказал, что-то сообразив, и выступил вперед.

– Шон, уходи! – выдохнула я. – Уходи! Это моё дело! Шон!

Но парень только плечом дёрнул.

Как я могла быть такой неосторожной? Раз Дарк здесь, у него должна быть охрана! Я увидела заслонившую меня широкую спину Шона. Ещё и этот из-за меня погибнет – ведь стражу Дарка не остановит беззащитность человека.

– Стоять! – рявкнул Шон. И, не веря своим глазам, я увидела, что стража приостановилась. – Стоять, сказал!

Стражники разделились и начали обходить его, как непреодолимое препятствие, но я тем временем уже успела нащупать в кармане рюкзака металлическую звёздочку.

– Шон, в сторону!

Парень, словно ожидавший моей команды, моментально нырнул влево, и я запустила в стражу сюрикеном – тот пошел по дуге, со свистом рассекая воздух. Описал линию над головами стражников – их фигуры стали чёрно-белыми, как на негативе фотоснимков: белые разинутые рты, чёрные лица, белые плащи... Я плашмя кинулась на землю, заслоняя голову руками, но вспышка оказалась не очень яркой, а грохота вообще не было – так, гулкий хлопок.

Я приподнялась. Завертела головой, отыскивая Шона. Живой... Парень стоял на коленях и, потирая шею, глядел на то место, где только что были стражники: на зелёной траве как будто вырезали большой чёрный круг.

– Что... – сказал Шон шепотом. – Кто это был?

Подойдя к кругу, я потрогала траву носком кроссовки: та хрустела, словно стеклянная.

– Напоминание, – ответила я с коротким смешком. – За мной приходила стража Дарка.

– И ты их?..

– Нет, не уничтожила – просто вышвырнула из этого мира к нам, так что скоро они опять вернуться.

Но меня уже здесь не будет. И живого Дарка – тоже.

Всё-таки Стража отработала на редкость топорно! Обленилась за десяток спокойных лет? По-хорошему, они должны были среагировать на меня сразу... хотя да, я ведь пересекала границу далеко от Форресттауна, даже не в этом районе, и Стража заметила нарушение границы, лишь когда уходил мой Вороной...

В своих раздумьях я не сразу заметила, что Шон идёт всё медленнее и медленнее. Потом он и вовсе остановился. Оглянулся и потряс головой.

– Ты чего? – поинтересовалась я настороженно. Может, парня всё-таки слегка контузило?

– Я что-то место не узнаю...

– Так мы заблудились? – не поверила я. Лесок вокруг города был именно «леском» – светлым, прозрачным, раскинувшимся в глубину самое большее на милю.

– Нет! Как я могу заблудиться, мы же с детства облазили здесь всё вдоль и поперек! – Шон вновь огляделся. И повторил упавшим голосом: – Но я всё равно не узнаю...

Мы стояли меж двух холмов, поросших деревьями. У наших ног тек тихо журчащий ручеек – точь-в-точь как тот, в котором Шон омывал свои боевые раны. Ручей бросал на лица блики от пробивавшегося сквозь листву вечернего солнца, поэтому, жмурясь, я не сразу заметила... А когда увидела, рассмеялась:

– Ну конечно!

Прошлепав в кроссовках прямо по воде, я добралась до сложенного из старых камней квадратного столбика. Расчистила оплетённую вьюном верхушку, протёрла подолом майки запывлившееся зеркальце – когда шагнула в сторону, Шон сощурился, заслоняясь ладонью от слепящего «зайчика».

– Что это?

– Приграничный маячок. Копит солнце и даже ночью продолжает светить. А в пасмурную погоду и зимой здесь горит огонь.

Видя, что Шон не понял, я пояснила:

– Ты же хотел побывать в моём королевстве?

– Ты сказала, это невозможно.

– Когда в одном и том же месте случается подряд несколько переходов, граница между мирами на время истончается. Первым сегодня был мой конь, вторыми (и третьими, четвертыми) – стражники.

Не двигаясь, Шон оглядел себя.

– И что, я теперь должен раздеться догола? Ты же говорила, ни один предмет из моего мира не может попасть к вам...

Запоминает хорошо! Я засмеялась:

– Ну, если только тебе больше нравится разгуливать голым! (Кстати, я бы не отказалась посмотреть). Шон, мы здесь ненадолго, от силы через пару часов нас вышвырнет обратно. Так что эти ограничения нас не касаются. Иди же!

– Исключения только подтверждают правила... – пробормотал Шон и перепрыгнул через ручей.

Пересёк границу.

На невнимательный взгляд берега по обе стороны ручья-границы ничем не отличались. Но я смотрела внимательно и на ходу показывала и называла Шону деревья и цветы, которые на Земле не растут. Хотя в такое короткое междумирье и вневременно ветер переносит семена и в соседний мир: встречала я далеко отсюда растение, считающееся у нас редкостью, достойной украшать только королевские сады... а люди выпальывают его как сорняк.

– А может, не только растения? – подал голос Шон. – Нас в детстве пугали, что в нашем лесу водятся странные существа, да ещё и люди пропадают... Наверное, для того, чтобы мы поменьше шлялись без присмотра взрослых.

А почему нет? Может, сказки о странных и волшебных существах и появились потому, что кто-то когда-то проник в соседний мир через истончившуюся ткань мироздания? У нас тоже иногда находили людей, возникших неизвестно откуда, говорящих на неведомых языках, и ничего не понимающих в окружающем. В зависимости от обстановки и времён их объявляли то заколдованными, то сумасшедшими, а то и шпионами...

– И вы пугались и слушались?

– Нет, мы с Энтони наоборот излазили весь лес вдоль и поперек.

– И что-нибудь нашли?

– Всего раз, – медленно произнёс Шон, и когда я оглянулась с интересом, продолжил: – одну симпатичную раздетую девушку...

Он наблюдал за мной краешком глаза и, когда я фыркнула, немедленно широко улыбнулся.

– Ага, вот мы где! – поняла я.

Почти у наших ног начинался белый сырой туман; попробуй угадай, что там внизу: то ли пропасть без дна, а то ли мелкий овражек. Насколько я помнила, никто, даже самый безбашенный, проверить это не решался. А если и были такие, мы о них не слышали и наверняка уже не услышим.

Шон вслед за мной заглянул с обрыва.

– Бормочущий туман, – объяснила я, укладываясь на живот на самый край обрыва. Шон последовал моему примеру.

– Это как?

– А вот так, – щелчком пальцев я отправила камешек вниз. Туман сначала отпрянул, завертелся воронкой вокруг места падения. Потом вскинулся белым клубящимся языком – точно дым над костром – и вместе с ним взлетели шёпот-шелест давно произнесённых слов, отзвук навеки умолкших голосов, эхо забытых и потерянных вопросов...

– Сюда приходят погадать или получить ответы, – объяснила я. – Не факт, что получишь их сразу. А может, и вообще никогда не

получишь. Я иногда думаю, что туман просто перемешивает вопросы и составляет из слов новые сочетания-головоломки – вот и получаются иногда вполне осмысленные ответы.

Шон перевесился через край обрыва и поболтал рукой в тумане.

– Щас тебя кто-нибудь схватит за руку и ка-ак сдёрнет! – зловеще предупредила я. Шон шутки не поддержал, спросил серьёзно:

– А ты спрашивала о чём-нибудь?

– Да. В детстве – как оживить маму и отца. И братика. Потом – как убить Дарка.

Шон сел, скрестив ноги.

– И тебе ответили?

– Нет. Хочешь спросить?

– Не хочу. Какой смысл тогда? – подумал и сказал решительно: – Да, хочу!

– Очень последовательно, – оценила я. – Ну так спрашивай.

– Какое твоё полное имя?

– Это ты у тумана спрашиваешь или у меня? Только не смейся! Кристобель.

Шон всё равно рассмеялся:

– Вот здорово! А знаешь, какое моё первое имя? Кристобаль!

– Бедняга, – посочувствовала я. – Наши родители точно были не в себе!

– Надеюсь, от счастья...

– Так ты будешь спрашивать или нет? Время идёт.

– Буду.

Шон поднялся, даже зачем-то отряхнул джинсы и шагнул к самому краю – я чуть не ухватила его за штанину. Поглядел вниз, помедлил и произнёс звучно:

– Кристобель и Кристобаль!

Наши имена упали в туман, будто в вату – ни звука, ни эха. Я помедлила, но так как Шон не двигался и молчал, спросила:

– А где вопрос-то?

Шон покосился на меня.

– А это и есть вопрос!

Отвернулся, но я всё же успела заметить, что лицо его вспыхнуло – поэтому удержалась от дальнейших расспросов. Мы подождали ещё.

– Ну, ответа можно сегодня и не дожидаться... Пошли дальше, у нас мало времени, а я хотела успеть тебе ещё что-нибудь показать.

Мы отошли уже на приличное расстояние, как мне почудился за спиной мягкий смешок – так смеются над чем-то забавным, но окружающим пока неизвестным.

– Ты слышал?

Шон, оглянувшийся одновременно со мной, буркнул:

– Если это ответ, то они сегодня обошлись без слов...

«Ещё что-нибудь» не заставило себя ждать. И оказалось неожиданным не только для Шона – что понятно, но и для меня – непростительно!

Стемнело внезапно, как будто на опускающееся тёплое солнце упала чёрная заслонка. Налетел ветер. Он завывал и гудел, метался из стороны в сторону, словно не мог решить, в какую сторону ему гнуть верхушки деревьев. Он обрывал зелёные листья, ломал свежие ветки и ослеплял нас песком и пылью. Даже мирный ручей, вдоль русла которого мы по-прежнему следовали, потемнел и забурлил, точно вода в нем вскипела.

– Гроза будет, что ли?

Вслед за Шоном я вскинула голову. Вверху неслись стремительные тёмно-синие и чёрные тучи, заполняя всё небо, собираясь рухнуть на самую землю. Их изгибы напоминали то вытянутые лошадиные силуэты с клубящимися гривами и хвостами, то оскаленные морды чёрных гигантских псов...

Напоминали?! Да это же они и были!

Я дёрнула Шона за руку:

– Грозовые гончие! Бежим!

– Что? Кто? – он задрал голову, и я увидела, как глаза его округлились. – Вот чёрт!

– Да хуже чёрта! Бежим же!

Но Шон и не подумал сдвинуться с места. Ещё и сам ухватил меня за запястье.

– Куда убежишь от Дикой Охоты? Остается только пасть ниц и молиться...

– Что?!

Но Шон только улыбался мне: глаза его сейчас стали отражением грозового неба. Кажется, шлепаться на колени он всё-таки не собирался – наоборот, поставил ноги поустойчивее и вновь задрал голову. Крикнул:

– «Кто встретится с ними, попадет в другую страну...» А нам ведь как раз туда и надо, да, Крис? «А кто заговорит с ними – умрёт». А мы промолчим!

Я дёрнула сумасшедшего за руку. Шон наклонился, чтобы услышать сквозь треск ломающихся веток и завывание ветра – или уже псов и рога? – моё недоумённое:

– Откуда ты знаешь про Гончих?

– Ну... я книжки читал... Ваши Гончие – это же наша Дикая Охота! Наверняка она у нас одна общая на оба мира! Кто тут над ними главный?

– Богиня полночи...

– А у нас их до фига!! Один, Фригг, Рогатый Охотник, Король эльфов... Гляди, а вот и олень! И вебрь, гляди!

Я вновь свирепо дёрнула его за руку. Заорала:

– А у вас известно, что на Грозовых Гончих нельзя смотреть?!

– Ну да... но где я ещё такое увижу? А псы и впрямь дышат пламенем! Как драконы, смотри!

Вот не дурак ли?!

Подсечка получилась удачной, но Шон моей руки так и не выпустил. Утянул меня за собой. Мы покатались по склону: земля, небо, лицо Шона, земля, небо, лицо... свист ветра, сверканье молний, гром... или топот копыт – близко, близко, ещё ближе...

Плюх!

Я вынырнула, мотая головой, отфыркиваясь и отплевываясь. Шон приподнялся на локтях, и не думая вылезать из ручья, в который мы свалились. Смотрел на меня – мокрые волосы прилипли ко лбу, майка облепила грудь – и хохотал!

Да он сумасшедший!

– Сумасшедший! – сердито заявила я, собираясь встать. Шон не дал – притянул меня к себе за растянувшийся мокрый ворот майки и поцеловал. Губы его тоже были мокрыми, холодными, но согревали так, что вскоре казалось, что даже вода вокруг закипела. Увлечшись, я навалилась на него, и мы вновь оказались под водой...

Это отрезвило меня или мысль, что завтра я собираюсь прирезать его лучшего друга, – но я наконец оторвалась от парня и встала. Вода текла с меня потоками.

Шон продолжал лежать, глядя на меня снизу. Медленно улыбнулся:

– Ну вот, я же говорил – попадём в другую страну...

Я огляделась. Солнце. Жаркий день. И ни следа не от грозы, не от Дикой Охоты. Нас вышвырнуло обратно на Землю.

Я поднялась с кровати, услышав голоса в ночной темноте. Встала у окна.

Оклик повторился:

– Шон?

Голос Энтони.

– А? Что? – кажется, Шон уснул внизу на веранде. Или глубоко задумался.

– Шон, мне кажется, между нами в последние дни какая-то кошка пробежала!

– Вот как? – мягко сказал Шон.
– И, по-моему, я знаю имя этой кошки, – настойчиво продолжал его друг.
– Да?
– Крис мне очень нравится. По-настоящему нравится! Она такая... она меня заводит – одним взглядом. Такая дикая... свободная, властная! Она не будет сюсюкать, как все эти девчонки, не будет мне на шею вешаться...
Шон молчал.
– У неё кожа, как золото, ты видел? Я только посмотрю на неё, только прикоснусь, да чего там, только подумаю – раз, и завожусь с пол-оборота! Я рядом с ней спокойно находиться не могу. Ты тоже так? Тоже?
У меня отчего-то замерло сердце. Через некоторое время я услышала негромкое «да» Шона – и сердце забилось в два раза быстрее, чем до того.
Шон сказал:
– Тони, ты ничего не знаешь о Крис. Она с тобой не останется. Она... Как всегда нетерпеливый Энтони не дослушал до конца:
– Думаешь, она останется с *тобой*? Я не хотел тебе говорить, расстраивать. Но ты мой друг и должен знать – завтра утром у нас свидание!
Я с досадой шарахнула кулаком о ладонь.
– ...там, где мы её впервые встретили. Это она придумала! Классно же, да?
– Завтра? – в голосе Шона я услышала непонятный испуг. – Не ходи! Не ходи, Тони! Ты не понимаешь...
– Я все понимаю. Пойми и ты меня, дружище. Я просто не могу отказаться от этой девчонки. Она как раз по мне. Прости.
Пауза.
– И с каких пор ты начал просить у меня прощения?
В первый раз я услышала у выдержанного Шона такой тон. Энтони, похоже, тоже – он забеспокоился.
– Шон, дружище, я думал... Ты же сам говорил, что не очень-то и хотел эту Марго!
– И Лу, – с насмешкой продолжил Шон. – И Анну.
– Ну да... Я-то думал, что ты на меня не в обиде! Я думал, всё забыто...
– Я и забыл, – резко сказал Шон. Я услышала звук сдвигаемого кресла. – Тони, а ты не хочешь узнать о Крис побольше?
Я прикусила губу. Сама виновата, дурочка, разболталась ни с того ни с сего! Сейчас Шон выложит всё Дарку и...
– Думаю, я всё узнаю о ней и так! – самодовольно заявил Энтони. – То есть – всё, что мне нужно!

– О да, – сказал Шон с непонятной интонацией. – Я тоже так думаю. До завтра, Тони.
– Погоди, а...
Но я услышала звук захлопнувшейся двери.
Я следила за спускавшимся с веранды Энтони. Он насвистывал, заложив руки в карманы. Остановился. Задрал голову, посмотрел на моё окно. Я даже не шевельнулась: вряд ли меня разглядят в темноте. Услышала его бормотанье:
– И какого чёрта я согласился ждать до завтра?
...Тёмный человек вошёл, не скрипнув ни дверью, ни половицей, скользнул к столу, где лежала моя сумка, и стал доставать из неё вещи, неторопливо, внимательно разглядывая их при свете луны. Последними он достал старые потрёпанные ножны, осторожно потянул за тусклую рукоять – и в его руках оказался клинок Гартов. Человек застыл, вглядываясь в вязь рун, выющихся вдоль ослепительно пылающего лезвия...
...Я встрепенулась, широко открыла глаза и резко села. Никого. В комнате никого не было. Я проверила сумку – всё лежит в своём обычном порядке. Встав, подёргала дверь – заперта. У меня уже начались галлюцинации...
Вновь улегшись, я не уснула уже до самого рассвета.
Сегодня я возвращаюсь домой.

Я облизнула пересохшие губы. Прикинула в руке клинок, прицеливаясь в нетерпеливо переминающегося Дарка. Сейчас я окликну его и...
И сильная рука перехватила моё запястье. Я чуть не зарычала от ярости и бессилия – Шон! Он всё-таки догадался, что я соврала ему насчёт его друга! Пытаясь отодрать цепкие пальцы от своей враз онемевшей руки, я не сразу поняла, что Шон говорит мне настойчивым горячим шепотом – просто выхватывала отдельные слова, как из плохо изученного иностранного языка...
И вдруг слова обрели смысл!
– Ты обозналась, – повторял Шон на языке моей родины, – ты обозналась... глупая... ты ошиблась.

Меня корчило от унижения и ярости. Девчонка Мэй оказалась куда пронизательнее меня – но я её не услышала. Мой следопыт, посланный на поиски маленького Дарка, отдал мне Энтони, чтобы я не тронула Шона – но я не различила усмешки в его голосе. Слишком уж

я была уверена в своём суждении, в своей проницательности. Слишком уж портрет, созданный моим воображением, совпадал с обликом Энтони. Бабушка всегда говорила, что я сужу о человеке по первому впечатлению и не хочу смотреть вглубь – чересчур нетерпелива. И вот результат – я обманула и запутала саму себя.

– ...мама отослала меня сюда, когда мне было лет пять, – продолжал рассказывать Шон... Дарк! – Приставила стражу...

– И всё это время, все эти дни... ты знал... ты играл со мной... – я ударила себя кулаками по коленям. – О-о-о, убей меня, Дарк, мне стыдно!

Шон затряс головой.

– Я не знал, Крис! Клянусь, я не знал! Я ничего не помнил, пока не увидел твой клинок!

Мы ушли подальше от Энтони, ожидавшего горячего утреннего свидания; вернее, меня утащил Шон, а я даже и не сопротивлялась особо – ещё не хватает вмешивать в свои дела людей!

По-прежнему сидя на коленях на земле, я выпрямилась. Всё-таки я принцесса Гартов и умею проигрывать.

– И теперь что?

Взгляд Шона стал растерянным. Клинок, который он вертел в своих руках, блестел, кидая мне в лицо солнечные «зайчики», но я старалась не жмуриться. Подобраться бы поближе, заболтать его – и вырвать из рук клинок!

– Что теперь? – повторил Шон.

– Я Гарт. Ты – Дарк. Нам тесно даже в разных мирах.

– Крис... но мы же с тобой не виноваты, что наши предки ненавидели друг друга! И – если я не ошибаюсь – мы хорошо друг к другу относимся.

Относились...

– Мы ведь тогда не знали...

– Узнали теперь, и что изменилось? Что нам мешает договориться? Что мешает заключить союз?

– Союз?! Какой союз может быть между нами?

– Послушай, Крис, – терпеливо продолжал Дарк. – Истинное величие правителя в том, что он не боится ступить на новую дорогу, отринуть старые заблуждения, боль, обиды...

Я глядела на него с фантастическим подозрением: Дарк слово в слово повторил бабушкины слова перед моим... отъездом! Спросила со слабой надеждой:

– Может, ты не захочешь вернуться?

Шон помолчал, рассеянно проводя пальцами по лезвию.

– Не буду врать. Я уже не смогу жить спокойно, пока не увижу родину.

– А увидев, ты её уже не покинешь, – грустно закончила я.

Шон молчал. Солнце вставало всё выше.

– Крис. Ведь я тебя ничем не обидел? Все дело только в том, что я – Дарк?

Я понуро кивнула. Шон продолжал негромко:

– Значит, никакой надежды на примирение? Прошлое нас сильнее?

– Или ты или я. Сейчас клинок у тебя. И если ты меня не убьешь, я до тебя всё равно доберусь. Слышишь?

Он поморщился.

– Слышу, не кричи!

Шон крутил длинный узкий клинок в своих сильных пальцах. Эти руки были словно созданы для клинка. Для меча. Для оружия. Я следила за ними завороченно – когда его пальцы скользнули по металлу, словно лаская, я даже ощутила возбуждение, смешанное с чувством опасности – как будто он касался *меня*...

Лицо Шона становилось всё мрачнее.

Внезапно он сделал резкое короткое движение. Я дёрнулась в сторону – но клинок вонзился в землю у самых моих колен. Я с мгновение смотрела на оружие, не понимая, потом вскинула глаза на Дарка.

– Я не буду тебя убивать, – сказал он.

– Тогда я тебя убью!

Шон заморгал. Кивнул.

– Да уж. Конечно. Действуй.

Я привычно взялась за рукоять и ощутила тепло его руки. Медля, взвеса клинок на ладони. Шон не спускал с меня глаз. Сейчас они стали тёмно-синими, словно грозовые тучи.

– Не смотри на меня! – приказала я с раздражением.

Шон покорно опустил взгляд.

– Может, мне ещё и отвернуться?

И он действительно повернулся ко мне спиной... своей широкой спиной, которой совсем недавно заслонила меня от Стражи, не зная ещё, что она – его стража.

Я поглядела-поглядела на него и окликнула:

– Эй, Дарк! Не пойму – почему ты меня не убил?

Шон пожал плечами со смирением.

– А что, это имеет какое-то значение?

– Так почему?

– Неужели не ясно? Влюбился в тебя, вот и всё! Не дурак ли?

Я стояла, опустив клинок, как оглушённая.

– Но пусть великую принцессу не останавливает такая малость. – Да он издевается надо мной! – Как мог проклятый Дарк полюбить принцессу Гартов? Это оскорбительно и подозрительно, ведь враг коварен и злобен!

Я чуть не треснула его по макушке. Я знала, что не смогу убить Шона. Но знала ещё до того, как он сказал мне...

Шон повёл плечами, сказал ворчливо:

– Эй, принцесса, ну скоро ты там?

Да, я принцесса. Принцесса Гартов. И я должна, я смогу найти выход! Я не могу отпустить Шона и не могу убить. Так пусть же моя слабость станет моей силой!

Я подошла к Шону, положила руку с клинком ему на плечи. Он вздрогнул – он всё-таки боялся – медленно повернулся, поднимая голову.

Я наклонилась и поцеловала его.

Любая проблема имеет несколько решений. Кто это сказал – Шон или бабушка? Ах, эта бабушка, всё-то она, наверное, знала наперёд...